

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2024

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Руденко К. А.* Поливная керамика Остолоповского селища XI–XII вв. в Татарстане7
- Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.* Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction..... 31
- Серегин Н. Н., Горбунов В. В.* Новые материалы раннетюркского времени из Северного Алтая47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бурнаков В. А.* Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ63
- Рыблова М. А.* Убогие, халаумные и обмершие в донской казачьей общине: статусы и функции.....78
- Петров Д. М., Прокопьева А. Н.* Захоронение «божества»: почитание особых покойников у якутов (на материалах памятника XVIII в. Буут Айыыта)..... 91

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Норкина Е. С., Колесов В. И.* Проблемы религиозной жизни горских евреев Северного Кавказа во второй половине XIX в. 111
- Шершнева Е. А.* Государственный контроль за благонадежностью мусульманского населения Сибири во второй половине XIX — начале XX в.125
- Дашковский П. К., Траудт Е. А.* Государственное регулирование религиозных процессов в национальных автономиях СССР в период «перестройки» (на примере Бурятской АССР) 140
- Сметанин Ф. А.* Мусульманская умма соборной мечети Иркутска 1990-х гг. в контексте десекуляризации..... 161
- Элбакян Е. С., Кравчук В. В.* Отношение студенческой молодежи к экстремизму и его профилактике в системе высшего образования РФ174

- ДЛЯ АВТОРОВ**194

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Rudenko K. I.* Glazed ceramics of Ostolopovo settlement (Tatarstan, XI–XII centuries).....7
- Bondarenko S. Y., Grushin S. P., Frolov Ya. V., Merts I. V.* Photogrammetry in archaeology: modern technologies of documentation and reconstruction.....31
- Seregin N. N., Gorbunov V. V.* New materials of the early Turkic period from Northern Altai47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Burnakov V. A.* Fish in the traditional worldview of the khakas: the image and symbol.....63
- Ryblova M. A.* The poor, the wrongheaded, and the faint in the Don Cossacks community: statuses and functions78
- Petrov D. M., Prokopenva A. N.* Honoring the departed: the reverence for exceptional deceased among the Yakuts (insights from the 18th-century burial site of Buut Aiytya)91

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

- Norkina E. S., Kolesov V. I.* Religious life of mountain Jews in the North Caucasus in the second half of the XIX c.111
- Shershneva E. A.* State control over muslim beneficency in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries.....125
- Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.* State regulation of religious processes in the USSR national autonomies during “perestroika” (lessons from the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic).....140
- Smetanin F. A.* Muslim ummah of the cathedral mosque of Irkutsk in the 1990s. in the context of desecularization161
- Elbakyan E. S., Kravchuk V. V.* Attitude of students to extremism and its prevention in higher education.....174
- FOR AUTHORS**.....194

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 397+398

DOI 10.14258/nreur(2024)2-04

В. А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия)

РЫБА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ: ОБРАЗ И СИМВОЛ

В статье путем привлечения обширного круга фольклорных и этнографических сведений, в том числе впервые переведенных на русский язык, а также вводимых в научный оборот архивных данных, реконструирован и проанализирован мировоззренческий комплекс хакасов, связанный с рыбой. В ходе исследования доказано, что в культуре хакасов рыба занимала одно из ключевых мест. В традиционных воззрениях ее образ наделялся многообразным значением. Символически рыба была неразрывно связана с водой как важнейшей природной стихией и основополагающей жизненной субстанцией. Она воспринималась в качестве одного из первозданных существ и имела статус сакрального животного, выполняющего функцию опоры земли. Выявлена ее связь с небесной сферой. Определено, что в религиозно-мифологическом сознании хакасов рыба осмыслялась в качестве тотемистического предка и воплощения духа-хозяина воды — *суг ээзи*. В отношении последнего была сформирована особая система ритуального взаимодействия. Доказано, что у хакасов наряду с процессом антропоморфизации природных существ известна и обратная тенденция — перенесение ихтиологического символизма на образ самого человека, в связи с чем в мифологическом сознании допускалась мысль о возможности брачного союза между человеком и духом воды, нередко принимавшим ихтиоморфное обличие. Показано, что рыба наряду с иными, выступала в качестве фаллического символа и была связана с идеей плодородия.

Ключевые слова: хакасы, культура, мировоззрение, фольклор, обряд, символ, образ, рыба

Для цитирования:

Бурнаков В. А. Рыба в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 2. С. 63–77. DOI 10.14258/nreur(2024)2–04.

V. A. Burnakov

*Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk (Russia)*

**FISH IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE KHAKAS:
THE IMAGE AND SYMBOL**

The article delves into the intricate tapestry of Khakas folklore and ethnographic insights, incorporating archival data newly introduced into scholarly discourse. Through this comprehensive approach, the study reconstructs and analyzes the complex worldview of the Khakas people in relation to fish. It was revealed that within Khakas culture, fish held a pivotal position, symbolically laden with diverse meanings.

In traditional Khakas beliefs, the fish symbol was intricately intertwined with water, representing a vital element of nature and a fundamental life force. Regarded as a primordial being, the fish was revered as a sacred creature with the crucial role of upholding the earth. Furthermore, its symbolic connection to the celestial realm was unveiled. The religious and mythological consciousness of the Khakas conceptualized the fish as a totemic ancestor and the embodiment of the spirit of the water deity, known as sug ezi. This association led to the development of a unique system of ritual exchange centered around the principle of reciprocity.

The study also highlighted a fascinating trend among the Khakas people, wherein natural creatures were anthropomorphized, while conversely, there was a reverse process observed — the transference of ichthyological symbolism onto human figures. This fascinating interplay culminated in the mythological notion of potential unions between humans and water spirits, often depicted in ichthyomorphic forms. The fish, alongside other symbols, was recognized as a phallic symbol and was intricately linked to fertility concepts within Khakas cultural narratives.

Keywords: Khakas, culture, worldview, folklore, rite, symbol, image, fish

For citation:

Burnakov V. A. Fish in the traditional worldview of the khakas: the image and symbol. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Т. 29. № 2. P. 63–77 (in Russian). DOI: 10.14258/nreur(2024)2–04.

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия).

Адрес для контактов: venariy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>.

Burnakov Venariy Alekseevich, Ph. D. in History, Senior Researcher, Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** venariy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9636-3081>.

Введение

В традиционной культуре хакасов большое значение придавалось рыбе (хак. *палых*). Она встречается практически во всех водоемах Хакасии и входит в рацион питания людей. Роль рыбы не ограничена сугубо гастрономической ценностью. В мировоззрении народа этот образ обладает ярко выраженным полисемантизмом. Устойчивой была вера в то, что некоторые тотемистические предки и дух-хозяин воды имеют ихтиоморфный вид. Неудивительно, что образ рыбы получил широкое распространение в устном народном творчестве. При этом ихтиологическая символика восходит к архетипическим образам и связана с мифологическими представлениями людей о мироздании и его стихийных силах.

Новизна работы состоит в том, что впервые на основе обширного круга фольклорно-этнографических материалов, в том числе ранее не известных, реконструирован мировоззренческий комплекс хакасов, связанный с образом рыбы.

Целью работы является характеристика образа рыбы в традиционном мировоззрении хакасов. Для этого решались следующие задачи: выявление места и роли рыбы в космогонических представлениях, обнаружение семантических связей с тотемистическими воззрениями и культом духа-хозяина воды, выяснение значимости ихтиоморфного образа в системе мифологических представлений о человеке и природе.

Рыба в космологических представлениях

Символизм рыбы во многом обусловлен семиотическим статусом воды. В мифах многих народов мира, и хакасов в их числе, вода — первоначало, исходное состояние всего сущего, источник жизни. И при этом она, как известно, является естественной средой обитания обозначенных животных, без которой не мыслима их жизнь. Поэтому в космогонических мифах хакасов, повествующих о происхождении мира, наряду с водной стихией совершенно не случайно упоминается еще и рыба. Так, в героических сказаниях об этом сообщается следующее:

*Чирі пасти пүдүпчедір,
Чизі пасти тазытчадыр,
Чирниң пөзігі ах тасхыллар
Өсклеп парган тургеланчадыр.
Суг чалбагы агын суглар,
Ах чазыларга түзіре аххлар,
Алтон-читон толгалып, аххларчадыр.*

[Когда] земля впервые создавалась
[Когда] медь впервые затвердела,
Земли вершины белые тасхылы
Выросши, поднимались.
Вод широкие [и] стремительные потоки,
[В] белые степи, бурля текут,
Шестьдесят-семьдесят [раз], извиваясь,
текут.

Ойлар, хырлар өсклеп парған,
 Ойым, көллер пүтклеп парған.
 Ойым, көллернің түбінде
 Ой-тарба палыхтар өсклебөкчедедір.
 Ағас, тазы өсклеп парған,
 Час тайгалар, чайхалызып,
 турглапчадыр.
 Час тайгаларда харсахтыг аңнар
 ойласчададыр,

Ханаттыг хустар учухлапчададыр»

«Чирі пасти нүдерде полды,
 Чизі пасти тазарда полды.
 Чир пөзігі улуг сыннар
 Өсклеп парған турглапчадыр,
 Суг чалбагы улуг суглар
 Улуг сыннардаң аххлапча.
 Улуг чазыларны тобыра аххлап,
 Былазып-соолазып, аххлапчадыр.
 Ойлар, хырлар өсклеп парған,
 Ойым, көллер пүтклеп парған.
 Ойым, көллернің түбінде
 Ой-тарба палыхтар өсклебөкче.
 Улуг сугларны хастада
 Ах тирек ағастар өсклебөкче.
 Ағас, тастары өсклеп парған,
 Час тайгалар, сусталызып,
 Сарылызып, турглапча»

Долины, холмы выростали,
 Впадины, озера возникали
 [Во] впадинах, на дне озер
 Различные рыбы выростали
 Деревья, камни выростали,

Молодая тайга, качаясь, стоит.

В молодой тайге, [имеющие] когти звери
 резвятся,

[Имеющие] крылья птицы летают».

[Алтын Арығ, 1958: 3] (перевод наш. — В. Б.);

‘[Когда] земля впервые создаваться стала,
 [Когда] медь впервые твердеть стала,
 Земли вершины высокие хребты
 [Из неё] выросши, стояли.
 Широкие воды великих рек
 [С] высоких хребтов стекали.
 Сквозь широкие степи протекая,
 Гудя [и] шумя, текут.
 Долины, холмы выросли.
 Впадины, озера создались.
 [Во] впадинах, [на] дне озер
 Различные рыбы вырастают.
 [У] великих рек [по] берегам
 Белого тополя деревья вырастают.
 Деревья, камни произрастают,
 Молодая тайга, сверкая,
 [И] раскачиваясь, стоит».

[Хан Кичегей, 1958: 126] (перевод наш. — В. Б.)

Из эпических текстов видно, что рыба вместе с основными природными объектами и иными представителями фауны входит в число «первотворенных», что и предопределяет ее высокий сакральный статус. В религиозно-мифологическом сознании народа рыба выступает в качестве опоры земли. Полагали, что на трех рыбах-великанах покоится наш мир. В хакасском фольклоре приводятся неоднозначные сведения об их видовой принадлежности. Так, по материалам Н. А. Попова, две из них безымянные, а третья — это окунь [Попов, 1884: 64]. Согласно же сведениям В. Я. Бутанаева, указанная троица полностью состоит из гигантских окуней [Бутанаев, 2003: 110]. Хакасы были убеждены, что когда они шевелятся, то происходит землетрясение. Подобные воззрения о рыбах, удерживающих на себе мир, бытовали и у других коренных народов Южной Сибири — алтайцев, шорцев и бурят [Вербицкий, 1893: 90; Штыгашев, 1894: 1–7; Хлопина, 1978: 70; Козин, 1946: 173–175; Хангалов, 1960: 18–19].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в хакасском языке окунь именуется не иначе как «*ала пуга*» [Хакасско-русский..., 2006: 48]. Указанный ихтионим на русский язык буквально может быть переведен как «пестрый бык». Надо полагать, что подобное обозначение отнюдь не случайно. Этимология указанного зоонима, очевидно, своими корнями восходит к другому варианту рассматриваемого этиологического мифа, согласно которому земля держится не на рыбах, а на трех огромных быках (*үс пуга*) [Попов, 1884: 646]. В мифологическом сознании рыба и бык в отмеченном смысловом контексте были существами равнозначными, взаимодополняемыми, а нередко и взаимозаменяемыми. Представляются весьма убедительными исследования Ю. Е. Березкина, согласно которому образы зооморфных опор земли в виде рыб и быков являются архаическими и семантически тождественными. Они получили широкое распространение в фольклоре многих народов мира. Ученый обратил внимание на то, что в мифологической картине мира эти животные, исполняя указанную функцию, порой предстают в нераздельном единстве [Березкин, 2014: 11–49]. Данная мысль вполне применима и к хакасским воззрениям. Исходя из этого представления, в мифологическом сознании народа окунь вполне мог осмысляться еще и в качестве «быка» пестрой масти, держащего на себе мир. Тем самым в его фигуре воплощалась идея двуединой опоры земли. Подобные взгляды, очевидно, и нашли свое отражение в самом его названии.

Формированию мифологических представлений о «рыбах — держателях земли», по всей видимости, способствовала распространенная ассоциация неба с водной стихией. Так, синева и необъятность небесного пространства в традиционном мировоззрении хакасов устойчиво соотносились с образом бескрайнего синего моря (*көк таллай*) [Бурнаков, 2013: 259]. Бытовала убежденность в том, что небесный свод — море всецело окружает землю. Вследствие чего получила развитие идея о том, что сама земля располагается на спинах исполинских рыб. А потому представляется вполне объяснимой отождествление солнца и луны с плывущими в небесных водах рыбами. Отметим, что в мифологическом сознании ассоциация «рыбы — светила» кратно усиливается из-за типичной круглой формы их чешуи и ее блеска. Указанные признаки во многом соответствуют характерным чертам этих небесных тел. Обозначенные взгляды нашли свое выражение в народных загадках: «*Ибге кірзе ысталбас ызы кўмўс палых теерізі, тасхар полза таталбас тады алтын палых теерізі (кўн харагы, ай харагы)*» — «Если заглянет в юрту, то похожа на блестящую чешую серебряной рыбы, не имеющей запаха; если будет на улице, то похожа на блестящую чешую золотой рыбы, не поддающейся ржавчине (солнце и луна)»; «*Танга полза таныхпас тана палых теерізі (ай харагы)*» — «Не обветрится на ветерке перламутровая чешуя рыбы (диск луны)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008: 301, 318–319].

На связь образа рыбы с небесной сферой, следовательно, и атмосферными осадками, указывают традиционные приметы сна у хакасов. Согласно одной из его интерпретаций, если человек в процессе сновидения добывал рыбу, то в реальности это предвещало изменение погоды и выпадение дождя или снега [Катанов, 1907: 465]. Аналогичные толкования сна встречались и у алтайцев [Бурнаков, 2006: 188–190].

Рыба — тотем — хозяин воды

В мифологическом сознании вода как ключевой символ зарождения жизни на земле во многом определял ритуальный статус рыбы как прасущества и тотемного предка. Следует отметить, что в этнографии под тотемизмом принято понимать веру «в родство между членами социальной группы и животными, растениями или предметами, которая выражается как вера в происхождение данного социума от этих животных, растений или предметов» [Кабо, 1993: 207]. В традиционной культуре хакасов самым распространенным тотемом выступает гора. Практически каждый «сөөк» — «род» имеет свою природную святыню, от которой ведет происхождение. В отношении нее (и на ней) совершались соответствующие ритуалы. Там же погребались все сородичи. В связи с чем хакасы нередко именуют себя «горным народом» или «народом, вышедшим из горы». Наряду с этим отдельные хакасские *сөөк'и* связывают свое происхождение с определенными видами деревьев, животными и птицами. Потому представляется вполне естественным то, что далекие пращуров отдельных социальных групп хакасов отождествляются с рыбами. Так, в одном из генеалогических мифов раскрываются следующие сведения об этом: «Три брата-рыбы плыли по Абакану. Возле с. Усть-Таштып они стали плыть в разных направлениях. Рыба — *саглах* (пичуга) поплыла дальше по реке. От нее произошли Сагалаковы. Они живут в основном в селении Печень. Вторая рыба — *чалтыңмас* (бычок / широколобка) поплыла в другую сторону. От нее берут начало Челтыгмашевы. Третья рыба — *үлчес* (усач) осталась на месте, от нее ведут свое происхождение Юктешевы» [Бурнаков, 2006: 44]. Следует добавить, что религиозно-мифологические представления о рыбах как о тотемистических предках встречались и у тувинцев. Г. Н. Потанин по этому поводу отмечал: «Рассказали мне только, что над костью Балыкчи смеются, что она происходит от рыбы» [Потанин, 2005: 11]. Вера в происхождение от рыбы-налима имела место и у такой этнической группы бурят, как эхириты [Балдаев, 1970: 9].

Несмотря на убежденность в происхождении указанных групп хакасов от рыб, какого-либо общего табуирования на употребление в пищу рыбы в народе, особенно у той ее части, которая проживала в подтаежных районах, не существовало. Исключение составляла лишь щука, выступавшая в качестве распространенного шаманского духа-помощника — *тöс'а*. Более того, у хакасов с промыслом рыбы даже связывается и представление о происхождении фамилии Балыхчин. Приведем соответствующее предание: «Три брата жили раньше около Красноярска. Приехали сюда [в Хакасию]. Перешли р. Чёрный [Июс] и на р. Белый [Июс] остановились. Еды не было. Один пошел рыбачить. Второй отправился на охоту — уток стрелять. Третий остался на месте. Вечером братья собрались. Первый принес рыбу (*палых*). Второй — белую утку-крохаль (*чүи*). Поели. Старший брат, добывший рыбу, стал называться Балахчиным (от *палых чин* — рыбу наловил). Среднего брата, подстрелившего утку (*чүи*), именовали Чустевым. А третий — Изырлар (сидевший на месте)» [АМАЭС ТГУ № 679: 4].

В традиционном мировоззрении хакасов рыба как естественный обитатель водного пространства зачастую и сама являлась его знаковым воплощением. Эта мысль нашла отражение в вере в духа-хозяина воды — *суг ээзи*, олицетворявшему саму стихию. В мифологическом сознании внешность данного гения природы варьировалась от зооморф-

ного до антропоморфного вида. При этом она могла нести в себе еще и полиморфные переходные элементы — туловище человеческое, а нижние конечности — рыбий хвост и пр. [Бурнаков, 2006: 48–49]. Вместе с тем, как справедливо полагает Н.П. Дыренкова, наиболее архаическими из них являются ихтиоморфные образы «водного хозяина» [Вода, 2012: 132–135]. По представлениям хакасов *суз ээзи* внешне часто отождествляется с рыбой. Об этом, например, свидетельствует такая народная загадка, как: «в воде живет *суз ээзи* (рыба)» [Попов, 1884: 659]. Более того, «хозяева вод» нередко принимали облик конкретных рыб — щук, тайменей и пр. Причем на фоне остальных обитателей этого пространства они, как правило, выделялись крупным размером, оригинальной окраской и иными характеристиками.

В фольклоре хакасов чрезвычайно распространенным является сюжет, согласно которому *суз ээзи* либо его дети в образе рыбы случайно попадают в вершу, или сеть либо непреднамеренно становятся объектом охоты [Суғ, 1956: 100–102; Ёксес-оол, 2014: 403–423]. Одно из малоизвестных фольклорных произведений, повествующих о подобной встрече человека и «хозяина воды», удалось обнаружить в архиве Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета им. В.М. Флоринского. Приведем его: «Однажды два сына рыбачили с отцом. ... Отец наказал своим сыновьям: «Если рыба будет стоять вниз головой (т. е. вниз по течению), то не бейте острогой». Плывут сыновья и видят, как один большой таймень стоит головой вниз по течению, затем второй так же. А третьего все же решили проколоть острогой. Однако тот сорвался и ушел вместе с рыболовным орудием. Братья добыли рыбу. Пришли к шалашу, где их ждал отец. Утром к ним пришел незнакомый старик и говорит: «Один из вас вчера моего сына ранил. Вытащить острогу может только сам хозяин остроги». Один из сыновей пошел вслед за ним. Пришли к реке, а воды там как будто и нет. Стоит юрта. В ней лежит уже не таймень, а юноша. Из его груди торчит острога. Понял человек, что нельзя бить рыбу, которая стоит вниз головой по течению. Ведь это был хозяин воды. Человек вырвал острогу и ушел» [АМАЭС ТГУ, № 681–1: 76 об. — 77].

Хакасы были убеждены, что *суз ээзи*, будучи повелителем воды и всех ее обитателей, бдительно охраняет свои владения. В его власти было переправить косяки рыб из одних озер и рек в другие. Рыбаки для того, чтобы обеспечить удачный промысел, совершали жертвенные подношения, просили разрешение и заручались его поддержкой. Обозначенные взаимоотношения по своей сути имели договорный характер. Они основывались на принципе — «даю, чтобы и ты дал». Нарушение установленной нормы со стороны человека, как полагали, имела своим следствием неудачу в рыболовном промысле. Более того, в случае гнева водного духа с людьми могли произойти несчастные случаи, нередко и с трагическим концом. По поводу чего исследователи отмечали: «Водяной дух (сухайзы) покровительствует и карает плавающих и рыбаков. Ему приносятся жертвы исключительно весной» [Попов, 1884: 654]; «По словам Тинникова, есть еще духи водяные, горные, степные и лесные; водяных призывают на помощь во время засухи, степных просят об урожае травы, лесных — об изобилии орехов и белки, водяных — об улове рыбы» [Суховский, 1901: 8]. «Духи гор и вод, духи дома и огня бывают друзьями звероловов и пастухов, или же они бывают духами наказывающими; людям, плавающим по воде, ловящим рыбу и сидящим дома, они бывают такими же» [Катанов, 1907: 218].

В мифологических повествованиях хакасов при описании мира дикой природы выявляется их неосознанное стремление к освоению этого пространства, к его «очеловечиванию». Поэтому вполне закономерно то, что в традиционных представлениях природные духи ведут схожий с людьми образ жизни и имеют те же потребности. Они так же, как и человек, нуждаются в пище, во внимании и уважительном отношении к себе. При этом их внешность зачастую наделяется антропоморфными чертами.

Человек — рыба

В религиозно-мифологическом сознании хакасов наряду с процессом антропоморфизации природных существ обнаруживается и обратная тенденция — перенесение символизма животных на образ самого человека. Обозначенный процесс в полной мере затрагивает и рыб. В мифологическом сознании хакасов ассоциация «человек — рыба» — весьма устойчивое и распространенное явление. Свое яркое выражение оно получило в малых жанрах фольклора, особенно в загадках, таких как: «*Алты сагаллыг апсагас тас турада чуртапча (саглах палых)*» — «С шестью бородами старичок в каменном доме живет (пичуга)» [Сиспектер, 1951: 279] (перевод наш. — В. Б.); «*Холга тудылбас узун оол (миндир)*» — «Неуловимый длинный парень (налим)» [Унгвицкая, Майногашева, 1972: 270]. Следует отметить, что в традиционных представлениях коренных народов Южной Сибири на фоне остальных рыб особенно выделяется образ налима. Среди тувинцев и бурят бытовало поверье о том, что в незапамятные давние времена налим был человеком, а если быть точнее — девицей / женщиной. В дальнейшем волею судьбы она превратилась в указанную рыбу. Вера в человеческую природу этого водного обитателя у этих народов способствовала тому, что на налима налагался пищевой запрет [Катанов, 1907: 16; Потанин, 2005: 184]. Подобные мифологические суждения, по всей видимости, встречались и у хакасов. Реликты представлений о женской сущности налима обнаруживаются в их устном народном творчестве. Так, например, в пословицах такой сакрализуемый орган, как печень, традиционно воспринимается в качестве местообитания жизненных сил каждого существа, отождествляется не иначе, как с душой женщины-матери: «*Ице наары — хорты наар, наба наары — аба наар, хыстың наары — чаг наар, оолның наары — хайа-тас*» — «Душа матери как печень налима (т. е. мягкая), душа отца как печень медведя (т. е. твердая), душа дочери — мягкая как сало, душа сына твердая как камень» [Хакасско-русский..., 2006: 332–333; Бутанаев, Бутанаева, 2008: 262, 282].

Вызывает интерес и то, что хакасы в обыденной ситуации, когда какого-либо человека игнорировали и не считались с его мнением, тот же, в свою очередь, произносил специальную поговорку. В ней опять-таки фигурирует образ налима. Функционально он был призван усилить значимость человека как личности. Изложим ее: «*Мин дее миндир миндир дее палыгох, син дее синдир сишрес тее палыгох*» — «И я, есть я (т. е. человек), и налим ведь тоже рыба» [Бутанаев, Бутанаева, 2008: 264, 285]. Вместе с тем, при общении с хитрыми и подлыми людьми обычно говорили: «*Чылан чили чилбиребе, хорты чили хойбаңнаба*» — «Подобно змее не изгибайся, словно налим не извивайся» [Мудрое..., 1976: 102]. Добавим и то, что в целом ассоциативный ряд «человек — рыба» выявляется в таких поговорках, как: «*длең палых палых нимес, олген кизи кизи нимес*» — «мальки — это не рыба, умерший — это не человек (т. е. человека нет, значит

забот нет)»; «*чылыг сугда палых пар, чымыйганда хылых пар*» — «в теплой воде есть рыба, у тихони [человека] есть характер» [Сӧспектер, 1951: 285; Бутанаев, Бутанаева, 2008: 264, 275, 286, 300].

В молодежных заигрышных песнях хакасов, связанных с темой бракосочетания, образы рыбы и девушки часто соотносились. Приведем некоторые из них: «О, если бы рыбы чёрной воды (ручейка) кучею выходили наружу! О, если бы девицы всего народа были без калымов! О, если бы рыбы глубокой реки сами выбрасывались наружу! О, если бы девицы всего народа даром выходили замуж!» [Катанов, 1907: 396]. Заметим, что соответствующие образные сравнения, имеющие отношение к интимной стороне жизни, были широко распространены среди тувинцев: «рыба сорога, живущая в глубине воды, питается пауками; а девицы Ели-Кема кормятся от русских»; «как девицы на Кандагайте питаются от халха-монголов, так и хариусы Кара-суга питаются мохом (илом)!» [Катанов, 1907: 4, 19].

В религиозно-мифологическом сознании хакасов отождествление рыбы, как и воды в целом, с женским началом допускало потенциальную возможность половых контактов человека с духами-хозяевами вод. Как точно подметила Н. П. Дыренкова, анализируя традиционные верования народов Саяно-Алтая, связанные с духами — владельцами природных объектов и стихий, «между человеком и этими хозяевами устанавливаются непосредственные и интимные взаимоотношения» [Вода, 2012: 133]. В народе верили, что духи воды могли специально утопить понравившегося им человека с целью сделать его своим брачным партнером. Тема брачных отношений между людьми и ключевыми представителями водной стихии запечатлена в хакасском фольклоре. Так, в сказке «Ёксес-оол (Парень-сирота)» повествуется о брачном союзе человека и дочери хозяина воды — Сугдай хана. Согласно сюжету герой спасает золотую рыбку, обменяв ее у рыбаков на пять овец. Проявив сострадание, он выпускает ее на свободу — в море. В знак благодарности за спасение своей дочери водный владыка, сам того не желая, вынужденно отдает выбранную героем награду — свою дочь в образе синей собаки с золотым ошейником. Впоследствии она волшебным образом метаморфозизируется и проявляет свой истинный облик прекрасной девушки. Становится супругой главного персонажа — Ёксес-оола. В ее лице он приобретает не только верную жену, но еще мудрого советчика и чудесного помощника. Она помогает ему успешно пройти все грозные испытания, в числе которых и путешествие в мир мертвых. В конце повествования констатируются большие позитивные изменения, произошедшие в его жизни, в том числе и повышение социального статуса — он становится ханом [Ёксес-оол, 2014: 403–423].

В изложенном произведении в глубоко символической форме опять-таки представлена идея дарообменных отношений человека с миром духов. Прежде всего она проявляется в том, что герой своими действиями, хотя и завуалировано, но по сути совершает обряд — жертвенный дар в виде пяти овец. Посредством этого акта Ёксес-оол в итоге достиг своей цели — встретил супругу, получил материальные блага и социальный успех. Очевидно и то, что в рассматриваемом тексте в закодированной форме представлен известный сюжет, связанный с духом-покровителем и шаманскими инициационными ритуалами. Отметим, что подобные сюжеты, касающиеся сакрального брака человека не только с рыбой, но и со змеей или волком, получили широкое осве-

щение в хакасском фольклоре [Катанов, 1907: 515–521; Коре Сарыг, 1974: 75–89; Бутанаев, 2010: 45–48].

Тесная связь образа рыбы с плодородием обнаруживается в мотивах сна о беременности, представленных в культуре хакасов. Для женщин детородного возраста сновидение, в котором фигурировала рыба, служило предвестием ее скорой беременности. Так, например, было принято считать, что «когда женщина ловит рыбу, то вскоре ее ожидает беременность» [Бурнаков, 2006: 179]. Эротический символизм рыбы в данном контексте, очевидно, вмещал в себе два основополагающих и взаимосвязанных элемента, направленных на воспроизводство плодородия: воду — олицетворение женского начала и саму рыбу как воплощение мужского символа — фаллоса. Ассоциация рыбы с маскулиным началом встречается в культуре и других народов Сибири. Так, отождествление рыбы с соответствующим детородным органом обнаруживается в одном из бурятских генеалогических мифов. Согласно повествованию «у Эхирита мать — расщелина в берегу, а отец — пестрый налим» [Балдаев, 1970: 9].

Помимо этого, среди бурят распространена мифологизированная история о том, что девушка беременеет лишь только от того, что ее коснулся налим [Бадмаев, 2018: 151]. Добавим и то, что ярко выраженную генитальную символику несут в себе рассказы о некоторых чудесах бурятских и иных шаманов сибирских народов. Их основное содержание сводилось к следующему. В процессе камлания они вводили мужчин, участвующих в этом священнодействии в транс. В этом состоянии те иллюзорно занимались ловлей рыб. При этом они ошибочно принимали свои пенисы за искомую добычу [Бадмаев, 2018: 151; Неизвестный шаманизм]. В этой связи примечательно то, что в обрядовой поэзии хакасов шаман, описывая половые особенности некоторых своих духов-помощников — *töc'ov*, акцентировал внимание на факте того, что они имеют «член величиной с четырехлетнюю рыбу хариус» [Бутанаев, 2006: 57]. Добавим и то, что в одной из хакасских народных загадок рыба-хариус метафорически соотносится с иглой [Бутанаев, Бутанаева, 2008: 315, 334]. Это также неслучайно. Обозначенный острый предмет имеет уменьшенную в масштабах фаллоидную форму. В своем прямом функционале при шитье с нитью он, как известно, внедряется в какой-либо материал. В результате подобного взаимодействия обычно создается какое-либо новое изделие. Подобно тому в мифологическом мышлении игла определенно могла соотноситься с мужским половым органом в виде рыбы, связанным с процессом оплодотворения и тем самым обеспечивающим плодородие. К сожалению, в хакасских фольклорно-этнографических материалах не сохранились сюжеты, обусловленные мифологическим образом «рыбы-иглы» как символа плодородия. Тем не менее, возможность бытования подобных представлений в прошлом у хакасов не исключается ввиду наличия типологически схожих ассоциаций в культуре других народов, в частности, финно-угорских. Так, например, у вепсов, чтобы обеспечить высокую фертильность, «необходимыми атрибутами свадебной одежды вступающих в брак были щучья челюсть и иголка» [Винокурова, 2006: 212].

В мифологическом сознании хакасов отождествление образа человека и рыбы достигало такого уровня абсолютизации, что порой мир людей и даже конкретные города и их жители соотносились с подводным царством и рыбами. Данная мысль выявляется в следующей народной песне:

«Сколотимте девять брёвен, доплывёмте до города Томска! Эх, народ мой и боярин!
Я не знал, что кишат рыбы города Томска! Эх, народ мой и боярин!

Сколотимте шесть брёвен, доплывёмте до города Кузнецка! Эх, народ мой и боярин!
Я не знал, что плавают рыбы города Кузнецка! Эх, народ мой и боярин!

Сколотимте пять брёвен, доплывёмте до города Бийска! Эх, народ мой и боярин!
Я не знал, что заперлись рыбы города Бийска! Эх, народ мой и боярин!

Сколотимте сорок брёвен, доплывёмте до Красноярска! Эх, народ мой и боярин!
Я не знал, что теснятся рыбы Красноярска! Эх, народ мой и боярин!

Сколотимте два бревна, доплывёмте до города Иркутска! Эх, народ мой и боярин!
Я не знал, что спускаются (по реке) рыбы Иркутска! Эх, народ мой и боярин!» [Ката-
нов, 1907: 471].

Заключение

Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционном миро-
воззрении хакасов образ рыбы занимал одно из ключевых мест. Бытовал целый ком-
плекс представлений о ней. Ихтиологический образ тесно связан с космологическими
воззрениями. При этом семантическая характеристика рыбы взаимосвязана с симво-
лизмом воды как первоначала и жизнотворной субстанции. В мировоззрении народа
рыба, будучи тесно связанной с водой, воспринималась в качестве тотемного предка,
прасущества и сакрального животного, на котором зиждется земной мир.

В анимистических воззрениях хакасов прообраз «хозяина воды» наделялся ярко
выраженными ихтиоморфными чертами. Взаимоотношения человека с этим духом
строились на принципах дарообмена. Посредством жертвоприношений ему люди пы-
тались достичь искомых для себя целей. Полная включенность традиционного обще-
ства в особые взаимоотношения с духами способствовали формированию представ-
лений о брачных союзах между природными гениями и избранными лицами. обозна-
ченные связи, как полагали, приносили человеку разнообразные материальные блага
и успех. В религиозно-мифологическом сознании сама возможность подобных взаи-
модействий свидетельствует не только о чрезвычайном сближении человека с миром
дикой природы, но и указывает на его неотделимость от нее и полную соприродность
его естества. Убежденность в глубинной животной сущности человеческой природы,
очевидно, послужила фактором того, что символизм животных и соответствующие ас-
социации были перенесены и на самого человека. Прежде всего это выразилось в том,
что образы человека и рыбы стали отождествляться.

Благодарности

Исследование проведено по проекту № FWZG-2022–0001 «Этнокультурное много-
образие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследова-
ния меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологиче-
ских парадигм».

Acknowledgements

The study was conducted under the project no. FWZG-2022–0001 “Ethnocultural diversity
and social processes of Siberia and the Far East of the XVII–XXI centuries. Research on the
changing role of traditional cultures, social institutions and environmental paradigms.”

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМАЭС ТГУ — Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета

ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АМАЭС ТГУ № 679: Этнографическая экспедиция в Хакасию, лето 1973 г.

АМАЭС ТГУ № 681–1: Этнографическая экспедиция в Таштыпский район ХАО, июль 1975 г.

Бадмаев А. А. Подводный мир в традиционном мировоззрении бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. 2018. № 3. С. 148–155.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. I: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1970. 362 с.

Березкин Ю. Е. Зооморфная опора земли — южноазиатский след // Зографский сборник. Вып. 4. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 11–49.

Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.

Бурнаков В. А. Атмосферные явления в традиционных представлениях хакасов // Вестник Новосибирского гос. ун-та. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 254–266.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2006. 254 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2008. 376 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан : Кооператив Журналист, 2010. 240 с.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М. : Скоропечатъ А. А. Левенсон, 1893. 221 с.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2006. 447 с.

Вода, горы и лес по воззрениям турецких племен Алтайско-Саянского нагорья // Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 131–188.

Ёксес-оол // Хакасские народные сказки. Новосибирск : Омет Принт, 2014. С. 403–423.

Кабо В. Р. Тотемизм // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М. : Наука, 1993. С. 206–209.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). Т. 9. СПб., 1907. 640 с.

Козин С. А. Общая характеристика свода монгольского эпоса о Гэсэре // Известия Академии наук. 1946. Т. 5. Вып. 3. С. 173–178.

Коре Сарыг на буланом коне. Хакасские народные сказки, предания и легенды. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. С. 75–89.

Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакасское отделение, 1976. 128 с.

Неизвестный шаманизм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tNKqPAF6S-k> — (дата обращения: 05.04.2019).

Попов Н. А. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 6. С. 645–659.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 1026 с.

Суховский В. О шаманстве в Минусинском крае. Отдельный оттиск. Казань, 1901. 9 с.

Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан : Красноярское кн. изд-во, Хакасское отделение, 1972. 312 с.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 3. Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1960. 421 с.

Хлопина И. Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 70–89.

Штыгашев И. Предания инородцев Кузнецкого округа о сотворении мира и первого человека // Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1894. Т. 17. № 1. С. 1–7.

Алтын Арыҕ // Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымыхтар (Богатырские сказания). Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1958. С. 3–125 (на хак. яз.).

Сиспектер (Загадки) // Алыптыҕ нымахтар (Богатырские сказания). Абакан : Хак. кн. изд-во, 1951. С. 277–282 (на хак. яз.).

Сӱспектер (Поговорки) // Алыптыҕ нымахтар (Богатырские сказания). Абакан : Хак. кн. изд-во, 1951. С. 285 (на хак. яз.).

Суг эзінең палыхчы (Хозяин воды и рыбак) // Хакас чонының нымахтары (Хакасские народные сказки). Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1956. С. 100–102 (на хак. яз.).

Хан Кичегей // Алтын Арыҕ. Алыптыҕ нымах (Богатырские сказания). Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1958. С. 126–222 (на хак. яз.).

REFERENCES

AMAES TGU № 679: Etnograficheskaja ekspeditsiia v Khakasiuu, leto 1973 g. [Ethnographic expedition TSU in Khakassia. Summer 1973] (In Russian).

AMAES TGU № 681–1: Etnograficheskaja ekspeditsiia v Tashtypskii raion KhAO, iyl' 1975 g. [Ethnographic expedition to Tashtypsky district in Khakassia. July 1975]. (In Russian).

Badmaev A. A. Podvodnyi mir v traditsionnom mirovozzrenii buryat [The underwater world in the traditional worldview of Buryats]. *Bulletin of Novosibirsk State University*, 2018, vol. 3. P. 148–155. (In Russian).

Baldaev S. P. Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Chast' I. Bulagaty i ekhurity [Genealogical story and legends are being drilled. Part I. Bulagats and Ekhirits]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1970, 362 p. (In Russian).

Berezkin Yu. E. Zoomorfnaya opora zemli — yuzhnoaziatskii sled [Zoomorphic support of the earth — South Asian trace]. *Zografskii sbornik. Vyp. 4.* [Zograph collection. Vol. 4]. S-Peterburg, MAE RAS Publ., 2014. P. 11–49. (In Russian).

Burnakov V. A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The spirits of the Middle World in the Khakas traditional worldview]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 197 p. (In Russian).

Burnakov V. A. Atmosfernye yavleniya v traditsionnykh predstavleniyakh khakasov [Atmospheric phenomena in the traditional representations of the Khakas]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University], 2013, vol. 12, no. 3. P. 254–266 (In Russian).

Butanaev V. Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, KhSU Publ. 2003, 260 p. (In Russian).

Butanaev V. Ya. Traditsionnyi shamanizm Hongoraya [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan: Publishing House of KSU, 2006. 254 p. (In Russian).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhSU Publ., 2008, 376 p. (In Russian).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. My rodom iz Khongorai. Khakasskie mify, legendy i predaniya [We are from Hongoray. Khakass myths, legends and traditions]. Abakan: OOO «Koopерativ «Zhurnalists'», 2010, 240 p. (In Russian).

Verbitskii I. I. Altaiskie inorodtsy [Altai natives]. Moscow, A. A. Levenson Publ., 1883, 221 p. (In Russian).

Vinokurova I. Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii). [Animals in the traditional Veps worldview (reconstruction experience)]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2006, 448 p. (In Russian).

Voda, gory i les po vzzreniyam turetskikh plemen Altaisko-Saianskogo nagor'ya [Water, mountains and forest according to the views of the Turkish tribes of the Altai-Sayan highland]. *Dyrenkova N. P. Tyurki Saiano-Altai. Stat'i i etnograficheskie materialy* [The Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. S-Peterburg: MAE Publ., 2012. P. 131–188 (In Russian).

Ekses-ool [Orphan boy]. *Khakasskie narodnye skazki* [Khakass folk tales]. Novosibirsk, Omet Print Publ., 2014. P. 403–423. (In Khakas., and in Russian).

Kabo V. P. Totemism [Totemism]. *Religioznye verovaniya: Svod etnograficheskikh poniatii i terminov.* [Religious beliefs: Set of ethnographic concepts and terms. Vol. 5]. Moscow, Science Publ., 1993, is. 5. P. 206–209. (In Russian).

Katanov N. F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907, vol. 9, 640 p. (In Russian).

Kozin S. A. Obschaya kharakteristika svoda mongol'skogo eposa o Gesere [General characteristics of the set of the Mongolian epic about Geser]. *Izvestiya Akademii nauk* [News of the Academy of Sciences], 1946, vol. 5, no. 3. P. 173–178. (In Russian).

Kore Saryg na bulanom kone [Kore Saryg on a dun horse]. *Kore Saryg na bulanom kone. Khakasskie narodnye skazki, predaniya i legendy* [Kore Saryg on a dun horse. Khakass folk tales, ballads and legends]. Novosibirsk, West Siberian Book Publ, 1974. P. 75–89. (In Russian).

Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits i pogovorok i zagadok [Wise word. Collection of Khakass folk proverbs and sayings and riddles]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1976, 128 p. (In Khakas. and in Russian).

Neizvestnyi shamanizm [Unknown shamanism]. Electronic resource: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tNKqPAF6S-k> — (date of the application: 05.04.2019) (In Russian).

Popov N. A. Pover'yai nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and some customs of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society], 1884, vol. 20, no. 6. P. 645–659 (In Russian).

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Izdanie 2 [Essays on North-West Mongolia. Edition 2]. Gorno-Altaysk: Publishing house “Ak Chechek”, 2005, 1026 p. (In Russian).

Sukhovskii V. O shamanstve v Minusinskom krae [About shamanism in Minusinsk region]. Kazan', 1901, 9 p. (In Russian).

Ungvitskaya M. A., Mainagasheva V. E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakass folk poetry]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1972, 312 p. (In Russian).

Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 1114 p. (In Khakas., and in Russian).

Khangalov M. N. Sobranie sochinenii. Tom 3 [Collected works. Vol. 3]. Ulan-Ude, Buryats Book. Publ., 1960, 421 p. (In Russian).

Khlopina I. D. Iz mifologii i traditsionnykh religioznykh verovanii shortsev [From the mythology and traditional religious beliefs of the Shors]. *Etnografiia narodov Altaia i Zapadnoi Sibiri* [Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978. P. 70–89 (In Russian).

Shtygashev I. Predaniya inorodtsev Kuznetskogo okruga o sotvorenii mira i pervogo cheloveka [Legends of the Kuznetsk district aliens about the creation of the world and the first man]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniia Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the West-Siberian Branch of the Russian Geographical Society], 1894, vol. 17, no. 1. P. 1–7 (In Russian).

Altyn Aryg. *Altyn Aryg*. [Altyn Aryg. The heroic legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1959, 192 p. (In Khakas.).

Suspecter [Riddles]. *Alyptyg nymakhtar* [Heroic tales]. Abakan, Khakass Book. Publ., 1951. P. 277–282. (In Khakas., and in Russian).

Sospecter [Sayings]. *Alyptyg nymakhtar* [Heroic tales]. Abakan, Khakass Book. Publ., 1951. P. 285. (In Khakas., and in Russian).

Khan-Kichigei [Khan-Kichigei]. *Altyn Aryg* [Altyn Aryg]. Abakan, Khakasiya Publ., 1958. P. 126–222 (In Khakas.).

Khozyain vody i rybak [The owner of the water and the fisherman]. *Khakasskie narodnye skazki* [Khakass folk tales]. Abakan, Khakass Book. Publ., 1956. P. 100–102. (In Khakas.).

Статья поступила в редакцию: 15.01.2024

Принята к публикации: 15.05.2024

Дата публикации: 28.06.2024